

На основании документов, хранящихся в фондах Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории и Объединенного государственного архива Челябинской области, рассмотрено регулирование деятельности органов пенитенциарной (лагерной) юстиции. Цель работы состоит в том, чтобы выявить характерные черты регулирования деятельности органов лагерной юстиции. Установлено количество осужденных лагерными судами за период их существования (1946 – 1956). Выделены характерные черты регулирования деятельности органов лагерной юстиции. Среди них автор делает акцент на следующих. Во-первых, наличие «каучуковых» норм. Это привело к отсутствию четко определенной компетенции лагерных судов; их функции то расширялись, то сужались. Во-вторых, противоречивость нормативно-правовой базы. Подзаконные акты, принимаемые Министерством юстиции, противоречили законодательству, ограничивали права обвиняемых, подсудимых. Практика Судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного Суда СССР не была последовательной. В развитии компетенции лагерных судов автор выделяет два этапа. На первом – до начала 1950-х гг., происходило ее расширение. На втором наблюдалось сокращение. При этом первоначально сужение компетенции носило осторожный характер, но после смерти И. Сталина этот процесс приобрел широкий характер.

Ключевые слова: лагерная юстиция; лагерные суды; пенитенциарная юстиция; пенитенциарные суды; советская юстиция; советский суд; специальная юстиция.

Денис Николаевич Шкаревский, канд. ист. наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»,
Сургут, Россия;
shkarden@mail.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЛАГЕРНОЙ ЮСТИЦИИ СССР (1944 – 1956)

Введение

К теме организации государственного аппарата СССР в годы Великой Отечественной войны российские исследователи обращаются систематически. Однако большинство подобных работ обходит вниманием организацию и деятельность советской юстиции. Между тем советские судебные и связанные с ними органы (прокуратура) являлись значимым элементом государственного механизма в военный и послевоенный периоды.

Органы советской юстиции в 1920-е – начале 1950-х гг. были разделены на две части. К первой относились общие органы, в основе которых находились народные суды. Ко второй – специальные (военные трибуналы, линейные транспортные суды). Не опубликованным указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.12.1944 г. были созданы органы

специальной лагерной юстиции. Инициаторами их создания выступили три ведомства: НКВД СССР (Л. Берия, В. Чернышев), Наркомат юстиции СССР (Н. Рычков) и Прокуратура СССР (К. Горшенин).

В 1945 – 1953 гг. в стране действовало от 48 до 77 лагерных судов. В течение своего существования (1946 – 1956) лагерными судами были осуждены 201 033 чел., что составляло 0,6 % от общего числа осужденных.

Деятельность этой системы проходила под грифом «Секретно». Практически все делопроизводственные документы этих органов до недавнего времени были не доступны исследователям. Данные суды являлись органами центрального подчинения. Для управления ими в Министерстве юстиции СССР был создан специальный отдел – Управление лагерных судов (Управление по делам лагерных судов). В составе Верховного Суда СССР появилась Судебная коллегия по делам лагерных судов. Отделы прокуратур по надзору за местами заключения были напрямую подчинены одному из заместителей Прокурора СССР. Материальное обеспечение сотрудников этой системы было более высоким, чем сотрудников органов общей юстиции. Все это говорит о большом значении, которому руководство страны придавало вновь создаваемой системе.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить характерные черты регулирования деятельности органов лагерной юстиции.

Основные проблемы существования и деятельности этих органов остаются не раскрытыми в современной отечественной и зарубежной литературе. По данной теме существует небольшое количество публикаций. Среди них следует отметить работы Г. М. Ивановой [5, 6], А. Я. Кодинцева [7]. Зарубежные авторы не упоминают о существовании данных судов [10 – 13].

Статья основана на материалах, хранящихся в Государственном архиве РФ (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО).

Обсуждение

Регулирование деятельности лагерных судов отличалось большим количеством пробелов и неустойчивостью в вопросах подсудности. Их компетенция определялась упомянутым выше неопубликованным указом Президиума Верховного Совета (далее – ПВС) СССР от 30.12.1944 г. Однако это был очень краткий документ, не решавший многих проблем. В результате систематически возникали споры о подсудности между лагерными и транспортными судами. Дело в том, что места заключения нередко имели свой водный и железнодорожный транспорт. Поэтому вопрос о преступлениях, возникающих здесь, был актуален. Прямое указание в законе о подсудности таких дел отсутствовало. Этот вопрос обсуждался длительное время и исчез лишь с ликвидацией лагерных судов [3, Оп. 5. Д. 145. Л. 61].

Компенсировать подобные недостатки были призваны указы ПВС СССР, которые зачастую носили гриф «Секретно». Отмечу, что их количество по отношению к лагерным судам было небольшим и не разрешало

многих проблем. Среди них можно назвать секретный Указ от 19.01.1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях» [8, Оп. 4. Д. 21. Л. 6]. Данным указом за это преступление была введена смертная казнь. Отмечу, что в период с 1948 по 1953 гг. смертная казнь к данной категории осужденных не применялась.

Эту же роль выполняли постановления Пленума Верховного Суда СССР, многие из которых носили гриф «Секретно». Однако зачастую Судебная коллегия по делам лагерных судов (*далее* – СКДЛС) Верховного Суда СССР не торопилась с рассмотрением проблемных вопросов и с вынесением их на обсуждение Пленума. Поэтому их количество так же не было значительным.

Кроме того, зачастую СКДЛС и лагерные суды по-разному толковали действовавшие нормативные акты. Так, Управление по делам лагерных судов Министерства юстиции (*далее* – УДЛС) и лагерные суды обвиняли СКДЛС в неверном истолковании термина «организованная группа (шайка)» и последующей неправильной переквалификации преступлений со ст. 2 на ст. 1 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и снижении наказаний [3, Оп. 5. Д. 42. Л. 61].

Основная роль в регулировании деятельности органов лагерной юстиции принадлежала подзаконным актам – приказам Наркома (министра) юстиции или совместным приказам Наркома (министра) юстиции, Наркома (министра) внутренних дел и Прокурора (Генерального прокурора) СССР.

Одна из особенностей этого способа регулирования их деятельности состояла в том, что на пенитенциарные суды распространялось действие секретных нормативных актов, которые были приняты НКВД до создания этих судов. Так, приказ Наркома внутренних дел СССР от 31 июля 1941 г. № 0359 «О рассмотрении всех дел о преступлениях, совершаемых в ИТЛ НКВД СССР, находящихся в местностях, объявленных на военном положении, в военных трибуналах войск НКВД» был отменен только в 1949 г. (приказ № 00327) [4, Оп. 1а. Д. 98. Л. 149].

Также длительное время действовал приказ Наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 20 марта 1940 г. № 058. Описанный в нем порядок освобождения из-под стражи в мае 1940 г. был распространен на все дела, расследуемые органами НКВД. Суть заключалась в том, что по этим делам оправданные в зале суда не освобождались, а суды должны были согласовать этот акт с органами НКВД [8, Оп. 4. Д. 1. Л. 18–19].

Освобождение из-под стражи по делам о контрреволюционных преступлениях в порядке ст. 340 УПК РСФСР (немедленно) было восстановлено лишь 27 июня 1953 г. совместным приказом министра юстиции СССР и Генерального прокурора СССР № 098/166с [8, Оп. 4. Д. 21. Л. 26].

По вопросу об условно-досрочном освобождении действовал приказ Наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 30 мая 1944 г. № 0047/132сс. Согласно ему прокуроры не могли принимать, а суды, в свою очередь, рассматривать материалы об условно-досрочном освобождении осужденных за преступления по всем пунктам 58-й статьи. К этой

же категории были отнесены осужденные за бандитизм, разбой, умышленное убийство, воров-рецидивисты, осужденные по закону от 7.08.1932 г., по ст. 74 ч. 2 УК («злостное хулиганство»), за воинские преступления (повторное дезертирство), по ст.ст. 193-20, 193-22, 193-24, 193-26, 193-28 УК. Кроме этого, досрочное освобождение было запрещено по национальному признаку – немцам, финнам, венграм, румынам, итальянцам (то есть представителям стран, воевавших с СССР), независимо от характера преступления [8, Оп. 4. Д. 1. Л. 3].

В результате существования такой особенности правового регулирования, председатели вновь создаваемых пенитенциарных судов зачастую не знали о существовании подобных приказов, а УДЛС рассылало их с большой задержкой.

В целом, деятельность органов лагерной юстиции опиралась не столько на опубликованные нормативные акты, сколько на акты разной степени секретности (с грифами от «Не для опубликования» до «Совершенно секретно»). Зачастую эти акты подменяли собой и противоречили нормам действовавшего законодательства.

Только за период с 1945 г. по февраль 1948 г. Управлением лагерных судов было направлено в лагерные суды 75 общих указаний (секретных и не секретных). По характеру они условно распределялись на семь групп.

1. Объединенные приказы министра юстиции СССР (*далее* – МЮ СССР), министра внутренних дел СССР, министра государственной безопасности СССР, Генерального прокурора СССР по вопросам квалификации некоторых видов преступлений и подсудности некоторых категорий дел (8), и указ ПВС СССР от 30.12.1944 г.

2. Указания МЮ СССР и Управления лагерных судов МЮ СССР о квалификации некоторых видов преступлений и подсудности некоторых категорий дел (17).

3. Указания о порядке и характере отчетности лагерных судов (18).

4. Письма судам о результатах изучения и обобщения их работы (5).

5. Письма с предложением провести ту или иную работу, например, изучить и обобщить судебную практику по определенной категории дел (14).

6. Сообщения об обеспечении судов помещениями, транспортом для служебных разъездов, снабжении их и другим хозяйственным вопросам (7).

7. Сообщения об опечатках в бланках, неправильно засланных бланках и т.п. (5) [3, Оп. 5. Д. 32. Л. 28].

Наибольший интерес представляют первые две группы этих указаний. В качестве примера объединенных приказов можно привести так называемый «приказ четырех». Это совместный приказ № 00829/00360/0049/193сс, датированный 16.09.1946 г., подписанный министрами государственной безопасности, внутренних дел, юстиции и Генеральным прокурором СССР. Этот документ расширял юрисдикцию пенитенциарных судов за счет предоставления им права рассмотрения дел о досрочном освобождении [3, Оп. 5. Д. 5. Л. 57–68]. При этом список лиц, которые не могли быть представлены к досрочному освобождению был существенно сокращен. К ним относились: «лица, осужденные за антисоветские преступления (ст. 58), за бандитизм, а также к каторжным работам» [3, Оп. 5. Д. 4.

Л. 16]. Эти нормы распространялись на осужденных по ст. 58-14 УК (побег, отказ от работы, членовредительство) [3, Оп. 5. Д. 168. Л. 183].

Таким образом, «директива четырех» не только содержала обновленные нормы по вопросу условно-досрочного освобождения лиц, заболевших душевной болезнью или неизлечимым недугом, но и расширяла подсудность лагерных судов, так как указ ПВС СССР от 30.12.1944 г. не предусматривал выполнения ими подобной функции.

Основную роль в регулировании деятельности пенитенциарных судов играли указания министра юстиции и Управления по делам лагерных судов. Среди них можно назвать следующие. Так, в январе 1947 г. нормы «директивы четырех» были подтверждены письмом министра юстиции № 18А/2сс [8, Оп. 4. Д. 6. Л. 1]. Также это письмо предоставляло право пенитенциарным судам рассматривать материалы на лиц, осужденных Особым совещанием (*далее* – ОСО), но за исключением ряда лиц (осужденных за антисоветские преступления, бандитизм и к каторжным работам). В июне 1952 г. заместитель министра юстиции П. Кудрявцев запретил рассматривать материалы на досрочное освобождение лиц, осужденных ОСО [3, Оп. 1а. Д. 712. Л. 57]. Но, в мае 1953 г. вновь разрешил (письмо № 18/17сс) [3, Оп. 5. Д. 168. Л. 70].

Также с помощью указания министра юстиции в октябре 1953 г. был восстановлен порядок оформления документов на досрочное освобождение в отношении осужденных за побег, отказ от работы, членовредительство и больных заключенных (ст. 457 УПК РСФСР) [8, Оп. 4. Д. 21. Л. 48]. В отношении осужденных за политические преступления, бандитизм и приговоренных к каторжным работам порядок оставался прежним еще некоторое время.

Указаниями министра юстиции и Управления устанавливался весьма своеобразный порядок освобождения заключенных из ИТЛ в связи с применением зачетов рабочих дней. С 1952 г. МВД СССР имело право этих лиц «закреплять для постоянной работы» на важнейших предприятиях и стройках (Главпромстрой, Главспецнефтестрой) «на основе индивидуальных трудовых договоров на половину оставшегося срока наказания» [8, Оп. 4. Д. 19. Л. 37–38]. Соответственно это расширяло и компетенцию лагерных судов.

Иногда вопросы освобождения заключенных использовались в политической борьбе. Так, С. Круглов (министр внутренних дел) и Г. Сафонов (Генеральный прокурор) издали совместный приказ № 0589/183с об исполнении Указа ПВС СССР от 26 августа 1950 г. «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей». По мнению министра юстиции этот приказ неправильно толковал указ ПВС и исключал освобождение от наказания беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, осужденных к исправительно-трудовым работам по месту службы, штрафу, ссылке и высылке [9, Оп. 136. Д. 166. Л. 299, 305]. Г. Маленков потребовал объяснений от С. Круглова и Г. Сафонова. Последним удалось, что называется, «спустить дело на тормозах» [9, Оп. 136. Д. 166. Л. 312–314].

В связи большим количеством различных нормативных актов, регламентирующих деятельность лагерных судов, дублирующих или противо-

речащих друг другу, уже в 1948 г. была предпринята попытка расчистить правовое поле. Был составлен «Перечень приказов и директивных указаний МЮ СССР, относящихся к работе лагсудов и директивных указаний Управления лагерных судов Министерства юстиции СССР, подлежащих пересмотру» [3, Оп. 5. Д. 36. Л. 110] и часть из них отменены.

Однако это не разрешило всех проблем подсудности данных судов, которые стояли очень остро. Во второй половине 1940-х гг. лагерные суды регулярно обращались в УДЛС с вопросами об уточнении своей компетенции. Согласно общему правилу, суды в местах заключения рассматривали дела в отношении следующих категорий лиц:

1) заключенных в возрасте свыше 16 лет (несовершеннолетние в возрасте до 16 лет согласно положению «О трудовых колониях для несовершеннолетних преступников» от 1.07.1942 г. отбывали наказание в детских трудовых и детских трудовых воспитательных колониях, подчиненных отделам борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью МВД);

2) вольнонаемного состава ИТЛ и ИТК;

3) лиц из военизированной охраны ИТЛ и ИТК, имеющих воинские звания до младшего лейтенанта;

4) спецпоселенцев, закрепленных для работы на стройках, предприятиях и учреждениях ГУЛАГа МВД СССР.

Территорией, обслуживаемой лагерными судами, являлись исправительно-трудовые лагеря, отдельные лагерные пункты и подразделения (*далее* – ОЛП), отдельные лагерные отделения (*далее* – ОЛО), исправительно-трудовые колонии МВД, предприятия и стройки системы ГУЛАГа МВД СССР. ОЛП находились на большом расстоянии и были плохо связаны между собой. Например, лагерный суд ИТЛ и ИТК УМВД Иркутской области обслуживал Бодайбинский ОЛП. Он был расположен на расстоянии 2 000 км от г. Иркутска, командировка туда занимала 21 день.

В связи с этим, территориальная подсудность лагерных судов очень часто изменялась. Одним лагсудам передавались ОЛП других лагерей. Делалось это в целях сокращения сроков рассмотрения дел. Но нередко учитывалось лишь прямое расстояние по карте от места расположения лагсуда до ОЛП, а не наличие инфраструктуры и транспортная доступность [8, Оп. 4. Д. 11. Л. 1].

Лагерные суды неоднократно просили разъяснить вопрос о подсудности дел в отношении несовершеннолетних. Поэтому Е. Добронравову (заместитель начальника УДЛС) пришлось издать директиву от 13 января 1950 г., гласившую, что «дела о преступлениях несовершеннолетних, содержащихся в трудовых колониях и трудовых воспитательных колониях для подростков в возрасте до 16 лет, Лагерным судам не подсудны. Дела о преступлениях военизированной охраны, и надзорсостава и вольнонаемного состава детских трудовых и трудовых воспитательных колоний, также не подсудны Лагерным судам» [8, Оп. 4. Д. 6. Л. 2].

Лагсуды принимали участие в кампании по исполнению Указа ПВС от 25 сентября 1950 г. «Об освобождении от наказания осужденных несовершеннолетних» (от 16 до 18 лет) [3, Оп. 1а. Д. 650. Л. 196]. Ряд судов отказывались принимать такие дела, ссылаясь на п.п. 15 и 16 Инструкции МВД СССР, МЮ СССР и Генерального прокурора СССР № 855/18-

40/237с от 25.10. 1950. Однако П. Кудрявцев настоял на реализации указа от 25.09. 1950 г. [3, Оп. 1а. Д. 705. Л. 38].

Также действовала директива 1943 г., согласно которой побегу несовершеннолетних до 18 лет, следовало квалифицировать по ст. 82 УК РСФСР вне зависимости от характера судимости до побега [8, Оп. 4. Д. 1. Л. 1], что обеспечивало вынесение им более легкого наказания.

Пенитенциарные суды рассматривали дела о трудовых преступлениях спецпоселенцев. К ним относились: прогулы, самовольный уход и дезертирство с предприятий и строителств. Такие дела обычно квалифицировались по указам ПВС СССР от 26.06.1940 г. или 26.12.1941 г. [8, Оп. 4. Д. 6. Л. 3].

В то же время, согласно общему правилу, дела о побегах, бандитизме и контрреволюционных преступлениях спецпоселенцев не были подсудны пенитенциарным судам. Они рассматривались Особым совещанием.

К подсудности лагерных судов также были отнесены спецмобилизованные (мобилизованные) немцы. Произошло это так. В августе 1945 г. выяснилось, что лагсуд Татарской АССР не принимает дела на спецмобилизованных немцев, работающих в ИТЛ и колониях НКВД. Начальник УЛС Г. Зейдин вынес этот вопрос на обсуждение на одном из совещаний, в ходе которого высказался за рассмотрение этих дел в лагсудах. В результате 14.08.1945 г. было принято положительное решение по этому вопросу [3, Оп. 14. Д. 63а. Л. 14]. После были даны соответствующие директивы: № 18/31с – 187с 14.08. 1945 г. за подписью Н. Рычкова и Г. Сафонова [3, Оп. 1а. Д. 372. Л. 26], № 18/3/с–187с от 14.08. 1945 г. за подписью К. Горшенина и Н. Рычкова [3, Оп. 14. Д. 63а. Л. 15].

В январе 1946 г. было дано указание не применять в отношении этой категории заключенных более высокие санкции по ст. 59-6 УК РСФСР, за преступления, которые были совершены после окончания войны. Прогульщики из числа данных лиц следовало предавать суду по ст. 5 ч. 2 указа ПВС СССР от 26.06.1940 г., а за отказ от работы по ст. 5. ч. 1 этого же указа, или по указу ПВС СССР от 26.12.1941 г., если стройки, где они работают, были отнесены к числу предприятий, на которые распространялся этот указ [8, Оп. 4. Д. 1. Л. 20].

С апреля 1941 г. побегу заключенных рассматривались как злостная форма саботажа. В результате, все подобные действия следовало квалифицировать по ст. 58-14 УК, с применением самых суровых санкций, вплоть до высшей меры наказания (*далее* – ВМН). Последнюю рекомендовалось применять к осужденным за политические преступления, грабеж, бандитизм; совершившим повторный побег. Сроки следствия по ним составляли 10 – 15 дней. Начальники лагерей все приговоры судов по этим делам должны были объявлять заключенным лагеря [8, Оп. 4. Д. 1. Л. 2].

В июле 1941 г. совместным приказом В. Чернышева, Н. Рычкова, В. Бочкова этой директиве была придана обратная сила. При определении санкции, суды должны были учитывать три основных фактора: обстоятельства предшествующего дела (по которому был осужден бежавший), характер побега и личность бежавшего. Подтверждалось, что побегу несовершеннолетних преступников следовало квалифицировать только по ст. 82 УК РСФСР [8, Оп. 4. Д. 1. Л. 17]. В 1943 г. последнее положение вновь было подтверждено [3, Оп. 14. Д. 63а. Л. 2].

Деятельность лагерных судов осложнялась не только отсутствием стабильной компетенции. Дело в том, что нередко актами различного уровня изменялись и нормы материального права. Это вносило дополнительную сумятицу в регулирование деятельности пенитенциарных судов.

Например, в 1948 и 1951 гг. позиция по делам о побегах в лагерных судебных органах изменялась. Так, в 1948 г. Верховный Суд СССР считал необходимым побег заключенных, отбывающих наказание в лагерях и колониях МВД за антисоветские преступления, бандитизм, по указам ПВС СССР от 4.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», отбывающих каторжные работы, а также побег заключенных, совершивших повторный побег, или судившихся за особо опасные преступления неоднократно в соответствии с Указом ПВС СССР от 15.06.1939 г. «О лагерях» квалифицировать по ст. 58-14 УК РСФСР [2, Оп. 16. Д. 326. Л. 28].

В 1951 г. Верховный Суд СССР расширил список лиц, которых следовало привлекать по ст. 58-14 УК РСФСР за побег. Постановление № 11/14/у-с Пленума Верховного Суда от 5 октября 1951 г. к ним относилось: заключенных, совершивших побег при отягчающих обстоятельствах (группой, с применением насилия, путем подкопа и т.п.); лиц, осужденных за бандитизм, разбой, умышленное убийство, политические преступления, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах [2, Оп. 1. Д. 171. Л. 18]. Такой подход к квалификации побегов действовал до мая 1953 г. и был отменен «в связи с отсутствием необходимости» (постановление Пленума Верховного Суда СССР № 8 от 29.09.1953 г. с грифом «Не для опубликования») [3, Оп. 5. Д. 203. Л. 75].

Еще один пример. В августе 1947 г. в связи с изданием указов ПВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» объявлялись неподлежащими применению:

1. закон от 7.08.1932 г.
2. Ст. 1 указа ПВС СССР от 10.08.1940 г.
3. Ст. 59-3-а, 116, 162, 165, 166, 166-а, 167 и 169 ч. 2 УК РСФСР [2, Оп. 1. Д. 149. Л. 8].

Позиция Верховного Суда СССР и Министерства юстиции СССР в отношении дел о преступлениях сотрудников военизированной охраны мест заключения оставалась стабильной. Так, неоднократно указывалось, что «дела о преступлениях сотрудников МВД и военизированной охраны ИТЛ и колоний, имеющих офицерские звания, начиная с младшего лейтенанта, подлежат направлению на рассмотрение в военные трибуналы войск МВД. На остальной контингент сотрудников МВД и военизированной охраны – направлять в лагерные суды» [3, Оп. 1а. Д. 475. Л. 8]. Примечательно, что лагерные суды по этим делам прямо нарушали законодательство и выносили наказания, не предусмотренные законом для этой категории лиц. Они приравнивали их к военнослужащим и направляли в дисциплинарный батальон, вместо назначения исправительно-трудовых работ сроком до одного года [3, Оп. 1а. Д. 705. Л. 48].

Тем не менее, согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 16/13/у от 15 сентября 1950 г. за нарушение дисциплины сотрудника военизированной охраны (до звания младшего лейтенанта) подлежали ответственности по положению «О воинских преступлениях» [2, Оп. 1. Д. 166. Л. 68].

Лагерные суды нередко совершали ошибки при сложении наказаний и назначении наказаний по совокупности. Поэтому Верховный Суд СССР вынужден был дать ряд указаний. Например: «в случае осуждения к лишению свободы лица, совершавшего преступление в период отбывания каторжных работ, суд при определении наказания по совокупности, применяя принцип сложения, должен к не отбытому сроку каторжных работ присоединять новый срок лишения свободы, причем общий срок по совокупности не может превышать с момента вынесения нового приговора двадцати пяти лет» [3, Оп. 5 Д. 14. Л. 131]. Назначение наказания, в случае применения принципа сложения наказаний, должно было определяться в соответствии со ст. 29 УК РСФСР [1, Оп. 37. Д. 1238. Л. 4]. Также Верховным Судом давались указания по рассмотрению лагерными судами дел об отказах от работы заключенных, о порядке определения наказания за повторный прогул [2, Оп. 16. Д. 326. Л. 27].

УДЛС нередко давало различные указания, напрямую вмешиваясь в судопроизводство. Так, С. Пашутина в ноябре 1948 г., отчитывая председателя лагерного суда ИТЛ и ИТК МВД Узбекской ССР Ройфе, указывала: «Условное осуждение применяется к лицам, не судимым... Лагерным судом применено условное осуждение за хищение соцсобственности к Шарипову, лицу уже изолированному от общества... Применение условного осуждения за хищение соцсобственности вообще недопустимо... Подобная практика не может обеспечить надлежащий борьбы с преступлениями, совершенными в лагерях и колониях» [3, Оп. 5. Д. 39. Л. 145].

В течение рассматриваемого периода подзаконными актами неоднократно изменялись правила процессуального законодательства. Так, в июле 1951 г. председателям лагерных судов письмом МЮ было предписано: «в целях охраны государственной тайны... предлагаю не оставлять на руках у подсудимых копий вручаемых им обвинительных заключений и приговоров. По ознакомлению подсудимых с указанными судебными документами, последние должны быть у них изъяты и сданы в канцелярию суда» [3, Оп. 1а. Д. 705. Л. 60]. В сентябре 1953 г. оно было отменено, был восстановлен порядок в соответствии со ст.ст. 392 и 400 УПК РСФСР. Но, в случае, если приговор содержал сведения, относящиеся к государственной тайне, вместо копии на руки осужденным предписывалось выдавать выписки из приговора лагерного суда [3, Оп. 1а. Д. 753. Л. 68].

Во второй половине 1940-х гг. действовал порядок, установленный председателем СКДЛС А. Гусевым, согласно которому кассационные жалобы осужденных на приговоры лагерных судов направлялись не непосредственно в Верховный Суд СССР, а в суд, вынесший приговор [3, Оп. 5. Д. 10. Л. 30].

В феврале 1950 г. по делам о хулиганстве (ч. 1 ст. 74 УК РСФСР) было установлено обязательное предварительное расследование и общий порядок рассмотрения этих дел [2, Оп. 1. Д. 166. Л. 12]. Таким образом, ве-

роятно, что до 3 февраля 1950 г. действовал особый порядок их рассмотрения, не требующий предварительного расследования!

Сокращение подсудности лагсудов проводилось в два этапа. Первый этап приходился на 1950–1951 гг., когда рассмотрение дел по контрреволюционным преступлениям было передано из пенитенциарных судов в военные трибуналы [3, Оп. 1а. Д. 705. Л. 17]. Таким образом, с этого времени наблюдалось ограничение их компетенции по рассмотрению наиболее важных дел. В августе 1950 г. также из подсудности лагсудов было изъято рассмотрение дел по ч. 2 ст. 110 УК РСФСР (превышение власти или полномочий сопровождавшееся насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями). Они были переданы в подсудность областным, краевым судам, верховным судам автономных республик [2, Оп. 1. Д. 166. Л. 66].

Второй этап начался в 1953 г. и был во многом связан со смертью И. Сталина и передачей мест заключения из МВД в МЮ. Наблюдалось резкое сокращение подсудности лагерных судов. Уже в январе 1953 г. секретным указом ПВС СССР (гриф «Не для печати») дела, квалифицируемые по ст. 59-3 УК РСФСР, были переданы на рассмотрение в военные трибуналы войск МГБ СССР и в специальные суды по особому списку. По этим делам было допущено применение высшей меры наказания [8, Оп. 4. Д. 21. Л. 6].

Совершенно секретным постановлением Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 28 января 1953 г. кассационной инстанцией по этим делам была объявлена Военная коллегия Верховного Суда СССР. При квалификации действий обвиняемых кроме ст. 59-3 еще и по ст.ст. 58-1-а, 58-1-б, 58-2, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9 УК РСФСР, такие дела для рассмотрения направлялись в ближайший военный трибунал округа Советской Армии или флота [8, Оп. 4. Д. 21. Л. 7]. В ноябре 1953 г. постановлением № 10-с Пленума ВС СССР эти дела были переданы в подсудность военным трибуналам военных округов, флотов и специальным судам по особому списку [2, Оп. 1. Д. 180. Л. 27].

С 30 июня 1953 г. лагерные суды лишились права рассматривать дела о преступлениях, совершенных работниками строительства и их предприятий, которые приказом П. Кудрявцева были переданы общим судам [3, Оп. 1а. Д. 753. Л. 57].

Заключительным актом, подводящим черту под всей деятельностью лагерных судов, стало секретное постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 с от 7 мая 1954 г. Согласно ему, протесты на вступившие в законную силу приговоры ликвидируемых пенитенциарных судов по делам, не рассмотренным в кассационном порядке или в порядке надзора, были направлены на рассмотрение в судебные коллегии по уголовным делам верховных судов союзных республик [2, Оп. 1. Д. 188. Л. 6].

Заключение

Итак, представляется возможным выделить ряд характерных черт регулирования деятельности органов лагерной юстиции. Прежде всего, многие нормативные документы содержали «каучуковые» нормы права.

Например, указ ПВС СССР от 30.12.1944 г. даже четко не определял компетенцию создаваемых лагерных судов. Поэтому государство получило возможность в случае необходимости секретными и подзаконными актами то расширять ее, то уменьшать. В результате лагерные суды оказались в очень сложной ситуации. Отсутствовала устойчивая компетенция. Молодые судьи находились в замешательстве – они не понимали чему подчиняться – то ли закону, то ли секретному или подзаконному документу (письму, директиве, циркуляру и т.п.).

Еще одна характерная черта – регулярные изменения, вносимые в нормативную базу секретными документами. Эти директивы постоянно изменялись. В существовавших условиях развития инфраструктуры их было сложно отследить, а если они терялись – проблематично восстановить.

Регулирование деятельности лагерных судов отличалось противоречивым характером нормативной правовой базы. Показательным примером являются дела сотрудников военизированной охраны. С одной стороны, они несли ответственность по положению «О воинских преступлениях». С другой – они не относились к категории военнослужащих, и к ним не применялся ряд санкций, например, направление в дисциплинарный батальон. Очень противоречивой была уголовно-процессуальная нормативно-правовая база. Подзаконные акты противоречили законодательству, существенно ограничивали права обвиняемых, подсудимых.

Анализ регулирования деятельности лагерных судов приводит к выводу о достаточно жестком контроле со стороны УДЛС МЮ СССР. Оно практически полностью контролировало лагерные суды и даже СКДЛС Верховного Суда СССР.

В результате, среди сотрудников органов лагерной юстиции были распространены страх (боялись начальства, ревизий, ликвидации судов и т.п.) и представления о неустойчивости, нестабильности (компетенции, деятельности всей системы и т.п.). В некоторой степени ситуацию призвана была исправить судебная практика и указания СКДЛС. Однако этого не произошло. СКДЛС сама имела противоречивую судебную практику и нередко давала противоречивые указания. Это только усложняло ситуацию.

В развитии компетенции лагерных судов достаточно четко прослеживается два основных этапа. До начала 1950-х гг. наблюдается ее расширение. После – происходит ее сокращение. Первоначально сужение компетенции носило осторожный характер и касалось лишь наиболее важных для государства уголовных преступлений, которые передавались на рассмотрение органам военной юстиции. После смерти И. Сталина и передачи мест заключения из МВД в Министерство юстиции этот процесс приобрел широкий характер – наблюдалось «схлопывание» компетенции лагсудов.

Список литературы

1. **Государственный архив** Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8131.
2. **ГА РФ**. Ф. 9474.
3. **ГА РФ**. Ф. 9492.

4. **ГА РФ**. Ф. 9401.
5. **Иванова Г. М.** История ГУЛАГа, 1918 – 1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
6. **Иванова Г. М.** Лагерная юстиция в СССР. 1944 – 1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 287 – 308.
7. **Кодинцев А. Я.** Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41 – 46.
8. **Объединенный государственный архив** Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р.-1410.
9. **Российский Государственный архив** социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
10. **Соломон П.** Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.
11. **Berg G. P.** von den. The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands, 1985. 372 p.
12. **Conquest G.** Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington: A.F. Praeger, 1968. 152 p.
13. **Gorlizky Y.** Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. 1998. V. 46, No. 3. P. 403 – 425.

References

1. **Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)** [The State Archives of the Russian Federation (GA RF)], Case 8131. (In Russ.).
2. **GA RF**, Case 9474. (In Russ.).
3. **GA RF**, Case 9492. (In Russ.).
4. **GA RF**, Case 9401. (In Russ.).
5. **Ivanova G.M.** *Istoriya GULAGa, 1918-1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekti* [History of the GULAG, 1918-1958: socio-economic and political and legal aspects], Moscow: Nauka, 2006, 438 p. (In Russ.).
6. **Ivanova G. M.** [Camp justice in the USSR. 1944-1954], *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History], Issue 5. Moscow, 2005, pp. 287-308. (In Russ.).
7. **Kodintsev A.Ya.** [Camp justice in the USSR], *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye* [Criminal executive system: law, economics, management], 2008, no. 2, pp. 41-46. (In Russ.).
8. **Ob'yedinyennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO)** [United State Archives of the Chelyabinsk Region (OGACHO)], Case R.-1410. (In Russ.).
9. **Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)** [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI)], Case 17. (In Russ.).
10. **Solomon P.** *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet justice under Stalin], Moscow: ROSSPEN, 2008, 463 p. (In Russ.).
11. **Berg G. P.** von den. *The Soviet System of Justice: Figures and Policy*. Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands, 1985. 372 p.
12. **Conquest G.** *Justice and the Legal System in the USSR*. New York; Washington: A.F. Praeger, 1968. 152 p.
13. **Gorlizky Y.** Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect. *The American Journal of Comparative Law*. 1998, v. 46, no. 3, pp. 403-425.

The Legal Regulation of the Penitentiary Justice of the USSR (1944 – 1956)

D. N. Shkarevsky, *Cand. Sci. (History)*, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Surgut State University, Surgut, Russia
shkarden@mail.ru

In this article, on the basis of documents stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History and the United State Archive of the Chelyabinsk Region, the regulation of the penitentiary justice authorities is considered. The aim of the paper is to identify the characteristic features of the regulation of the activities of the penitentiary justice bodies. The number of those convicted by the penitentiary courts for the period of their existence (1946–1956) is revealed. The characteristic features of the regulation of the activities of the penitentiary justice bodies are highlighted. These include the following. Firstly, the delphic language resulting in the lack of clearly defined competence for the penitentiary courts; their functions expanded and narrowed. Secondly, the inconsistency of the regulatory framework manifested in the fact that by-laws passed by the Ministry of Justice contradicted the legislation and limited the rights of the accused and defendants. The practice of the Judicial Collegium for Penitentiary Courts of the USSR Supreme Court was not consistent. The author distinguishes two stages in the development of the competence of prison camp courts. The first one that lasted until the early 1950s was the period of expansion. The second stage was reduction of competence. At the same time, initially the reduction of competence was not common. But, after the death of I. Stalin, this process became widespread.

Keywords: camp justice; camp courts; penitentiary justice; penitentiary courts; Soviet justice; Soviet court; special justice.

© Д. Н. Шкаревский, 2021

Статья поступила в редакцию 26.01.2021

При цитировании использовать:

Шкаревский Д. Н. Регулирование деятельности органов лагерной юстиции СССР (1944 – 1956) // *Право: история и современность*. 2021. № 3(16). С. 51 – 63. doi: 10.17277/pravo.2021.03.pp.051-063